

ственного пространства, приобретает с развертыванием текста добавочные смыслы и в конечном итоге служит ключом к главной идее произведения – идее Дома. Выбор заглавия подчеркивает центральное место Мэнсфилд–парка в системе пространственных образов романа. Вместе с тем, заглавие приобретает символическое значение, так как образ Мэнсфилд–парка, который обладает своим «характером», своими законами и правилами, своим «настроением», можно считать главным героем романа, своеобразным двойником Фанни Прайс. В свернутом, сжатом виде Остен выражает в заглавии концепцию всего романа.

Выводы. Художественное пространство в романе Дж. Остен «Мэнсфилд–парк» предстает сложной, обладающей богатой семантикой системой, создающей модель мира в индивидуальном видении английской писательницы.

Картина мира, выраженная в пространстве, отличается дихотомичностью, основанной на бинарных оппозициях свое/чужое и близкое/далекое, где свое и близкое – это пространство Дома, а чужое и далекое – весь остальной мир. Главный пространственный образ романа – дворянская усадьба Мэнсфилд–парк – выступает идеальным воплощением подлинного английского Дома. Это не столько описание жилища, сколько центр «своего» мира, замкнутое, стабильное, защищенное пространство, обеспечивающее вместе с тем выход во внешний мир. Дом символизирует нравственные начала, духовную и материальную ценность, которые дают человеку ощущение целостности мира, разумности существования, что непосредственно связано с особенностями английской национальной культуры в сравнении с другими культурами.

Категория пространства является не только предметом изображения, но и инструментом художественного исследования человеческого бытия и выступает как важнейший компонент поэтики Дж. Остен.

Источники и литература

1. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М.М. *Эпос и роман*. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 11–194.
2. Бельский А.А. *Английский роман 1810–х гг.* – Пермь: ПГУ, 1969. – 205с.
3. Гениева Е.Ю. *Обаяние простоты* // Остен Дж. *Чувство и чувствительность. Гордость и предубеждение. Леди Сьюзен*. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 5–24.
4. Демурова Н.М., Михальская Н.П. *Комментарии* // Остен Дж. *Собрание сочинений: В 3 т.* – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 1. – С. 647–686.
5. Демурова Н.М. «Милая Джейн...» // Остен Дж. *Гордость и предубеждение*. – М.: Правда, 1989. – С. 3–16.
6. Ивашева В.В. *Несравненная Джейн* // Ивашева В.В. «Век нынешний и век минувший...». *Английский роман XIX века в его современном звучании*. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 34–81.
7. Кетгл А. *Введение в историю английского романа*. – М.: Прогресс, 1966. – 447 с.
8. Лотман Ю.М. *Об искусстве: Структура художественного текста*. – СПб.: Искусство–СПб, 1998. – 702 с.
9. Михальская Н.П. *Проблема идеала в романе «Нортенгерское аббатство» и эстетические позиции Джейн Остен* // *Эстетический идеал и художественный образ*. – М.: МГПИ, 1979. – С. 54–62.
10. Шахова К. *Література Англії XIX століття* // *Зарубіжна література*. – 2004. – № 6–7. – С. 4–29.

Красовская О.В.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

(на материале судебного диалога)

С 50-х годов XX в. понятие «конфликт» стало все больше привлекать к себе внимание исследователей из разных научных сфер (см.: [3]), в результате чего сформировалась конфликтология как самостоятельное научное направление. Отчасти это связано с изменением в нашей действительности отношения к конфликтам – восприятием их как приемлемого «выхода» из непростых ситуаций (ср., например: [13]).

Не остаются в стороне от изучения конфликтов и лингвисты. Еще в 1990 г. Т.М. Николаева обратила внимание на то, что поведением людей управляет не только «открытый» П. Грайсом принцип кооперации, но и принцип «некооперации»: «Внимание исследователей, описывающих механизм речеупотребления, обычно фиксируется на условиях коммуникативной «удачи», языковых основ диалогического успеха. При этом предполагается, что все участники коммуникации идут навстречу друг другу в соответствии с Принципом Кооперации..., стараются, отвечая, сообщить все требуемое с максимальной точностью, правильно размещая фокус вопросов..., его семантическую переменную... Между тем представляется, что эти оптимистические предположки до некоторой степени иллюзорны. Общеизвестно, что в беседе люди стремятся воздействовать на собеседника, навязать ему свое мнение, скрыть нежелательные для себя факты, увернуться от ответа на некоторые неприятные вопросы, даже задеть, обидеть собеседника. И язык располагает достаточным для этого набором средств...» [10, с. 225–226].

Феномену конфликтного, агрессивного речевого общения посвящаются специальные лингвистические конференции (см.: [1]). Типологии речевых жанров, диалога обязательно включают в себя конфликтные формы речевого взаимодействия (см., например: [5; 11]). Интерес к проблеме конфликтной коммуникации определяется потребностями как теории общения, так и речевой практики.

Конфликтной формой речевого общения является и судебный диалог – общение, которое протекает в ходе судебного разбирательства. Причем специалисты считают правовой конфликт (т.е. конфликт, перенесенный в правовую плоскость из-за невозможности его решить неправовым путем) наивысшей точкой противоречия между людьми, коллизией с наиболее острым противоборством сторон. Ср.: «Стало быть, «правовая ситуация» – сложное жизненное обстоятельство, особый «поворот» в делах и событиях. Это и собы-

тия, затрагивающие жизнь общества в целом... Это и конкретные обстоятельства нашей жизни – столкновение интересов и страстей, казус, не поддающийся простому разрешению на основе одних лишь представлений о морали, принятых в данном круге людей обыкновений – словом, то, что уже в юридической сфере образует «дело». Как правило, это конфликт или положение во взаимоотношениях людей, грозящее конфликтом, с внешней стороны по большей части – спор, сшибка интересов, страстей, соперничество мнений и намерений» [2, с. 26].

Выделим некоторые особенности конфликтной коммуникации в суде. Их отдельное описание является в значительной степени условным, но необходимым для научного осмысления.

Материалом для статьи послужили записи судебных процессов по гражданским делам, основными участниками которых являются: судья (С.) и стороны – истец (И.), ответчик (О.) и/или их представители (ПИ., ПО.).

1. Конверсационные особенности. Протекание судебного диалога регламентируется рядом правил, в том числе правилом мены коммуникативных ролей (подробнее об этом см. нашу статью: [9]). В законе оно обнаруживает себя в виде норм о строгой очередности выступлений процессуальных участников.

В ходе судебного диалога мена коммуникативных ролей, как правило, носит организованный характер. Ср. стереотипные реплики судей: *Истица, пожалуйста, дайте пояснения по Вашей жалобе; Пожалуйста, представитель, Вам слово; Сергей Васильевич, что желаете дополнить или сказать?; Суд переходит к судебным прениям. Слово в прениях предоставляется М.*

Правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности, которая предполагает активность сторон. В коммуникативном отношении активность оппонентов проявляется в их стремлении принять на себя функцию говорящего, в том числе «вне очереди»:

И. (*поднимает руку во время объяснений О.*)

С. (дослушав О.) Ш., Вы уже свое слово сказали.

И. *Это существенное уточнение.*

С. Садитесь, пожалуйста.

Еще один пример попытки перераспределения речевой инициативы:

С. (обращаясь к О. для того, чтобы он высказал свое мнение о заявленном И. ходатайстве) Ваше мнение.

О. Я хочу дать свои пояснения.

С. Вы ходатайство поддерживаете?

О. Поддерживаю.

С. Садитесь.

О. *Поддерживаю и хочу дополнить.*

С. Подождите «дополнить».

На эмоционально напряженных отрезках судебного диалога может состоять из перебивов и подхватов реплик оппонента и в конце концов превращаться в «галдеж» процессуальных участников, в котором судья «усмиряет» оппонентов:

(Из семейного спора между братом (И.) и сестрой (О.) о разделе имущества; исследуется письмо бабушки о передаче драгоценностей внучке)

И. Во-первых, не сказано, какие драгоценности. Была еще библиотека, которая э-э...

О. Так, а библиотека...

И. ...которую сестра мне хочет ее сдать. Пускай библиотеку забирает. Пусть, если для нее это драгоценность...

О. Ваша честь...

И. ...пускай она забирает.

(Далее следует неразборчивый фрагмент диалога, так как говорят все одновременно)

С. (почти переходя на крик) Я прошу, я прошу вас по очереди. Пожалуйста, истец, Вас дослушаем.

Речевая активность процессуальных оппонентов также может выражаться в их контроле над ходом судебного диалога. Причем контроль может быть направлен как на действия оппонента, так и на действия судьи:

ПО. (реагируя на вопрос ПИ.) Я понимаю, что Вы специалист в филологии и э-э... можете задавать хитрые вопросы, на которые можно черти как отвечать. Но Ваше заявление, Ваш вопрос относится ли к иску, который э-э... рассматривает седня суд.

ПИ. Ну это вопрос о релевантности того или иного вопроса решает суд.

ПО. Я понимаю, я понимаю, что это решает суд, а Вы подводите суд к этому... к этой ситуации.

ПИ. *Вы собираетесь отвечать на мой вопрос? (обращаясь к С.) Могу я получить ответ на этот вопрос?*

С. Так, еще раз вопрос;

(В апелляционном суде дело слушается в составе судьи–председательствующего (П.) и двух судей)

И. (обращаясь к П. после выступления О.) Уважаемый председательствующий!

П. Подождите.

И. Меня в фальсификации обвинили. Я хочу результаты проверки Д. ...

П. Вы уже содержание оглашали и давали пояснения.

С. Мы уже это слышали. Пожалуйста, для чего Вы повторяете одно и то же?

И. *Меня лишили возможности дать пояснения. Я возражаю против действий председательствующего*

и прошу занести это в протокол.

Итак, в конфликтном диалоге реплицирование часто происходит не «в порядке смены», а «в порядке прерывания» (Л.П. Якубинский) оппонента, что связано со стремлением конфликтантов к доминированию. Оно проявляется в готовности «захватить» коммуникативную инициативу и управлять ходом диалога. О.С. Иссерс по этому поводу пишет: «Вероятно, именно в силу особо тесной близости инициативы с правами и ответственностью она оказывается одним из средств воздействия на собеседника, ведения межличностной борьбы и осуществления стратегических замыслов» [8, с. 213].

2. Речеповеденческие особенности. Конфликтные отношения между людьми способствуют формированию так называемого оппозиционного варианта речевого поведения. В рамках судебного диалога оно основано на отказе от сотрудничества с противоположной стороной в установлении истины по делу. Показательная иллюстрация:

(В деле участвует сурдопереводчик ответчика)

ПИ. Я прошу переводчика, чтобы она развернулась к нам. Потому что у нас есть подозрение, что она не только переводит, но и обсуждает все вопросы с ответчиком.

П. *Я не хочу разворачиваться, потому что я ее (истицу) не уважаю.*

С. Я Вас прошу повернуться. Давайте не будем обострять.

В приведенном фрагменте переводчик ответчика «озвучивает» установку на конфликтное общение с истицей.

Для некооперативного поведения процессуальных оппонентов типичны речевые поступки, «разъединяющие» людей. Это прежде всего возражения и протесты, которые могут использоваться и против законных действий противоположной стороны. В таких случаях «отрицательные» речевые акты неизбежно терпят коммуникативные неудачи:

С. (передает О. письменно оформленное И. ходатайство о записи процесса техническими средствами)

О. (ознакомившись) Считаю нецелесообразным.

С. *Посоветовавшись на месте, суд определил: удовлетворить ходатайство и объявить перерыв для перехода в другой зал;*

С. Ходатайства, заявления у участников процесса будут?

И. Я прошу повторно допросить в качестве свидетелей Б. и К.

С. С чем связано ходатайство?

И. С противоречиями в показаниях свидетелей. (далее следует подробное изложение этих противоречий)

С. (обращаясь к И.) Ваше мнение.

О. (возбужденно) Я против!

С. *Удовлетворяется ходатайство.* (обращаясь к секретарю) Выпишешь повестки.

Возражения и протесты являются принадлежностью судебного узуса. Вместе с тем при установке процессуальных участников на конфликтное общение могут использоваться речевые поступки, выходящие за пределы допустимого поведения в суде:

И. (раздраженно после выступления О. в прениях, в котором он в очередной раз комментировал заключение о ее профессиональной деятельности) А какое решение еще мог принять этот коллектив? *Одна – любовница заведующего. Другой – валяется пьяный под деревом. Извините, такой коллектив я уважать не могу.*

О. (возмущенно разводит руками)

С. Тише, тише, успокойтесь. А то и к Вам же иск могут предъявить.

3. Стилистические особенности. Исполнению судебно–процессуального ритуала соответствуют торжественная тональность и официальные отношения между участниками судопроизводства.

Поведение людей в рамках официальных ролей ориентировано на кодифицированный литературный язык. По нашим наблюдениям, книжно стремятся говорить даже те процессуальные участники, которые не владеют нормами устной публичной речи.

Однако на полемических участках судебного диалога (которые судьи именуют «перебранкой») нередко наблюдается понижение стиля, возможен даже переход в нелитературные сферы:

И. Мы заявляли ходатайство, чтобы ответчик предъявил Устав. Вы принесли?

О. Принесли. *Только на кой черт он Вам понадобился.*

И. На такой;

(Из иска пассажира к водителю маршрутного такси)

С. (обращаясь к О.) Скажите, а на какое расстояние Вы отехали (от остановки)?

О. Метров на 100 – 150.

И. *Ка... какое нахальство – 100 – 150!*

О. У Вас, наверное, что–то с глазомером.

И. У меня ничего.

О. Оно и видно.

4. Стратегические особенности. Судебное разбирательство, несомненно, принадлежит к стратегически релевантным ситуациям. Осмысленное и целенаправленное отношение человека к правовому конфликту делает его протекание более организованным и по–настоящему состязательным.

Изучая закономерности конфликтного поведения, конфликтологи пришли к выводу о том, что оппоненты – независимо от многих причин – «действуют практически примерно по одним и тем же схемам, используют одни и те же тактики и приемы конфликтного противоборства...» [6, с. 8].

Одной из самых популярных и широко используемых в бизнесе и переговорной сфере является концепция американцев Томаса–Киллмена, в которой выделяется пять основных стратегий поведения человека в конфликтной ситуации: 1) соперничество; 2) сотрудничество; 3) компромисс; 4) приспособление; 5) избегание (их подробную характеристику см., например, в словаре: [4]).

Все эти стратегии используются и в правовом конфликте. Реализации каждой из них способствует набор определенных речевых тактик. При этом замечена следующая закономерность: чем «активнее» речевая стратегия конфликтного взаимодействия, тем многочисленнее и разнообразнее тактики, «обеспечивающие» ее реализацию. Самой «востребованной» в правовом конфликте является стратегия соперничества, которая выражается в стремлении удовлетворить свои интересы, не принимая в расчет интересов оппонента.

Для острой конкурентной борьбы типичны тактики, которые направлены на обострение отношений с оппонентом. Это тактики: 1) дискредитации процессуального оппонента (из возражений О. на иск о восстановлении на работе: *Согласно акта от 28.05.2002 года М. безответственно относилась к выполнению своих функциональных обязанностей, осуществляла неквалифицированное руководство коллективом, своими действиями привела его к сбою в трудовом ритме, внесла нервозность и неразбериху, нанесла материальный и морально–психологический ущерб акционерному обществу*); 2) угрозы оппоненту (реакция И. на объяснения О.: *Я подам иск о защите деловой репутации*); 3) обвинения процессуального оппонента (из объяснений О. в трудовом споре: *И. очень легкомысленно относилась к заключению трудовых отношений*); 4) разоблачения оппонента (реакция И. на заявление О. об отложении дела: *Я считаю, что противоположная сторона обо всем уведомена. Повестку она получила, я сам ее отправлял, и могла ознакомиться с делом. Ее мнение о том, что она не обеспечена правовой защитой, не отвечает действительности. Это лишь бы оттянуть*); 5) подозрения оппонента (О. в трудовом споре: *Считаю, что М. умышленно уклонялась от получения трудовой книжки и расчета*) и нек. др.

В рамках одного судебного процесса, особенно если он носит затяжной характер, процессуальные стратегии могут комбинироваться и меняться. Ср. реплику процессуального участника, который, ведя жесткую борьбу со своим оппонентом (стратегия соперничества), не исключает путь мирного урегулирования конфликта (стратегия компромисса): ПИ. (в споре с Теплокомунэнерго) *Постоянно моему доверителю выставлялась задолженность. Однако объяснить они не хотели, откуда она взялась. У него переплата была. Он отправил им четыре письма, чтобы узнать, откуда у него долг. Только раз он получил ответ, когда обратились к мэру. Мы пытались решить мировым соглашением, но не удалось.*

Иногда наблюдаются и более неожиданные комбинации речевых стратегий.

Итак, проанализированный нами материал показывает, что для конфликтной коммуникации характерны следующие особенности:

- «коммуникативный хаос» наряду с контролем оппонентов за ходом диалога и речевым поведением его участников;
- использование некооперативных речевых актов;
- фамильярная тональность и присутствие сниженной лексики;
- набор типичных речевых стратегий и тактик.

В статье были рассмотрены далеко не все особенности конфликтной коммуникации. Эта тема не может быть полностью освещена в небольшой публикации. Здесь предложены лишь некоторые материалы для будущего исследования, которое должно быть основано не только на примерах судебного диалога.

Источники и литература

1. Агрессия в языке и речи / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. – М., 2004.
2. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия. – М., 2000.
3. Анцулов А.Я., Прошанов С.Л. Российская конфликтология. Аналитический обзор 607 диссертаций. XX век. – М., 2004.
4. Анцулов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – СПб., 2006.
5. Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис / Отв. ред. Т.В. Булыгина. – М., 1992.
6. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психология личности в конфликте. – СПб., 2004.
7. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // ВЯ. – 1999. – №1.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2006.
9. Красовская О.В. Судебный диалог как конвенциональная коммуникативная форма // ВЯ. – 2006. – №5.
10. Николаева Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990.
11. Соловьева А.К. О некоторых общих вопросах диалога // ВЯ. – 1965. – №6.
12. Федосюк М.Ю. Стиль ссоры // РР. – 1993. – №5.
13. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. – СПб., 2003.
14. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986.